



Руслан Куликов

Полярная ночь

<https://litres.ru/74605357>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вера Лебедева сама выбрала этот город. Сбежала из солнечного Краснодара в Беломорск, к отцу-участковому, которого не видела шесть лет. Туда, где в декабре солнце поднимается над горизонтом на пару часов, а потом исчезает совсем.

Она думала, что самое страшное здесь — холод. Пока не встретила Глеба Ольховского. Рядом с ним гаснет пламя горелки, стынут пальцы, а на стекле проступает иней. Его семья живёт в доме, где никогда не топят печь. И все в городе знают: к Ольховским лучше не подходить.

Старые жители за Выгозером называют таких, как он, стынью. Тем, кто пьёт человеческое тепло, как воду.

Глеб может убить её одним прикосновением. Но он единственный, рядом с кем Вере по-настоящему тепло.

А полярная ночь только начинается.

Содержание

Глава 1. Край, где кончается солнце	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Руслан Куликов

Полярная ночь

Глава 1. Край, где кончается солнце

Я всегда думала, что умирать лучше там, где тепло.

Смешная мысль для семнадцати лет. Но она пришла ко мне в поезде где-то после Петрозаводска, когда за окном третий час подряд тянулся один и тот же лес. Чёрные ели, белые стволы берёз, серое небо, которое лежало прямо на макушках деревьев. Ни одного солнечного пятна. Ни одной тени. Мир будто нарисовали простым карандашом и забыли раскрасить.

В Краснодаре сейчас было плюс шестнадцать. Мама прислала фото: она в солнечных очках на балконе, позади облепиха и кусок ярко-синего неба. Подпись: «Ещё не поздно передумать, Веруня». И три сердечка.

Я не передумала.

Мама наконец вышла замуж. Его звали Стас, он строил мосты, и в январе его отправляли на объект в Узбекистан на два года. Мама светилась так, как я не видела никогда. А потом погасла в одну секунду, когда поняла, что я не могу

поехать с ними посреди одиннадцатого класса. Она сказала, что останется. Что Стас подождёт. Что ничего страшного.

Я видела, как она плакала на кухне, думая, что я сплю.

Поэтому я купила билет сама. Позвонила отцу, которого не видела шесть лет, и сказала: «Пап, можно я у тебя поживу до выпускного?» Он молчал так долго, что я решила: связь пропала. А потом сказал хрипло: «Конечно, Вер. Конечно можно».

И вот я здесь. В поезде «Санкт-Петербург — Мурманск», с двумя чемоданами, рюкзаком и ощущением, что еду не на север, а на край света. Туда, где кончается солнце.

Беломорск встретил меня мокрым снегом.

Не тем пушистым снегом из новогодних открыток, а злым, косым, который летел не сверху, а сбоку, прямо в лицо. Было три часа дня, а на перроне уже горели фонари. Я спрыгнула со ступеньки вагона, чемодан шлёпнулся колёсиками в кашу, и ледяная вода тут же залилась мне в кроссовки.

Кроссовки. Белые. Я правда приехала сюда в белых кроссовках.

— Вера?

Я обернулась. Отец стоял в трёх шагах, в форменной куртке с меховым воротником, и смотрел на меня так, будто не был уверен, что это я. Шесть лет назад он был выше. Или это я выросла. В его тёмных волосах появилась седина, а вокруг глаз — сеточка морщин. Но улыбался он так же: одним уголком рта, будто стесняясь.

— Привет, пап.

Мы постояли. Обниматься было неловко, не обниматься — ещё хуже. В итоге он неуклюже похлопал меня по плечу, а потом всё-таки притянул к себе. От него пахло табаком, хотя мама говорила, что он бросил, и почему-то хвоей.

— Ты замёрзла, — сказал он, отстраняясь. Посмотрел вниз. — Господи, Вер. Это что на тебе?

— Кроссовки.

— Я вижу, что кроссовки. — Он забрал оба чемодана так легко, будто они были пустыми. — Ладно. Завтра первым делом в магазин. Тут в таком до ноября не доживают.

— Сейчас конец октября.

— Вот именно.

У отца был служебный «Патриот», белый с синей полосой. Я села на переднее сиденье, и печка тут же дохнула мне в лицо горячим воздухом. Я протянула к ней руки и чуть не застонала от счастья.

— Сколько здесь вообще светлого времени? — спросила я, глядя, как за окном проплывают тёмные деревянные дома, гаражи, ржавые трубы котельной.

— Сейчас часов семь. — Отец включил дворники. — В декабре будет три. Самое большое.

— Три часа?

— Это ещё по-божески. В Мурманске вообще ноль. — Он покосился на меня. — Привыкнешь. Тут даже красиво. Северное сияние бывает. Белое море замерзает. Увидишь.

Я кивнула и отвернулась к окну, чтобы он не заметил моего лица.

Три часа солнца. Я, человек, который в Краснодаре загорал на балконе в апреле. Человек, который ненавидел зиму так сильно, что каждый декабрь считал дни до весны.

Это будет очень длинный год.

Отец жил в двухэтажном деревянном доме на окраине, на улице с ласковым названием Морская. Моря отсюда видно не было, но его было слышно: глухой, тяжёлый шум, будто где-то за домами ворочалось огромное спящее животное.

Моя комната была на втором этаже. Та же, что и шесть лет назад, когда я приезжала сюда на летние каникулы последний раз. Только обои другие: светло-жёлтые, тёплые. На кровати лежало новое одеяло, толстое, как сугроб. На подоконнике стоял масляный обогреватель, а рядом с ним, аккуратно стопкой, лежали шерстяные носки. Пять пар.

Я взяла верхнюю пару. Серые, с красными оленями.

— Это соседка вязала, тётя Галя, — сказал отец из коридора, не заходя. — Я не знал, какой у тебя размер. Взял на всякий случай большие.

У меня защипало в носу. Я быстро сказала:

— Спасибо, пап. Они классные.

— Ну. — Он постоял на пороге. — Ужин через час. Я пельмени купил. Ты же любишь пельмени?

Я не ела пельмени с девятого класса, с тех пор как решила, что я почти вегетарианка. Но кивнула.

— Люблю.

Он ушёл, и я наконец осталась одна. Подошла к окну. Внизу, в свете единственного фонаря, кружился снег. За дорогой начинался лес, тёмный и плотный, как стена. А над ним, в низком небе, не было ни одной звезды.

Я прижала ладонь к стеклу. Холод тут же впился в кожу.

И тогда я впервые увидела это. Или подумала, что увидела.

На опушке, между двумя высокими елями, стоял человек. Просто стоял, неподвижно, в тёмной одежде, без шапки. Он смотрел на наш дом. Мне показалось, он смотрит прямо на меня.

Я моргнула. Там никого не было.

Только снег. И ели. И тёмный лес.

Я задёрнула шторы и решила, что это от усталости. Тридцать один час в поезде. Кто угодно начнёт видеть людей в темноте.

Вечером в дверь постучали.

Я спустилась вниз в своих новых оленьих носках и увидела на пороге двоих. Старик в длинном тулупе и с седой бородой до середины груди, как у святого с иконы. И парень моего возраста, широкоплечий, в оранжевой рабочей куртке, с охапкой дров в руках.

— Елисей Фёдорович! — обрадовался отец. — Заходите, заходите. Вер, это Корельские. Помнишь Тимку? Вы же летом вместе на озере сидели.

Парень опустил дрова у печки и выпрямился. Я честно попыталась вспомнить. В голове всплыл худой мальчишка с ободранными коленками, который учил меня ловить окуней на хлеб и смеялся, когда я визжала от червяков.

Этот Тимофей был совсем другим. Выше меня на голову, с густыми русыми волосами, собранными в короткий хвост, и тёмными, почти чёрными глазами. Он улыбнулся, и улыбка у него оказалась прежней: широкой, мальчишеской, во всё лицо.

— Привет, Вера. Ты всё так же боишься червяков?

— Я всё так же их ненавижу. Это разные вещи.

Он засмеялся. Громко, от души. И мне вдруг стало чуть легче.

Старик снял шапку, перекрестился двумя пальцами на угол, где у отца висела маленькая старая икона, и только потом поздоровался. Тимофей объяснил мне потом: они староверы. Живут в деревне за Выгозером, в Скиту, как её тут называют. Двадцать домов, своя часовня, свои правила. Дед Елисей знал отца ещё со времён, когда тот был молодым лейтенантом.

— Дров вам на первое время, — сказал дед, поглаживая бороду. — Девка-то южная, мёрзнуть будет.

— Спасибо, — сказала я. — Правда.

Он посмотрел на меня внимательно, долгим взглядом, от которого мне стало не по себе. Глаза у него были светлые, выцветшие, но очень цепкие.

— Тёплая ты, — сказал он вдруг. — Из тебя прямо жар идёт. Как от печи.

— Это я просто с мороза, — растерялась я.

— Нет, — покачал головой старик. — Это не с мороза. Это в крови. Ты, девка, береги его. Тепло своё. Тут такие места... тут тепло ценят.

— Деда, — тихо сказал Тимофей, и в голосе его что-то изменилось.

Старик замолчал. Отец кашлянул и предложил чаю. И разговор сразу стал обычным: про дрова, про лёд на озере, про то, что в этом году зима обещает быть ранней.

Но, уже уходя, Елисей Фёдорович обернулся на пороге и сказал моему отцу, понизив голос, так что я едва расслышала:

— Андрюш. Ты бы девку-то от Ольховских подальше держал.

Дверь закрылась. Я посмотрела на отца.

— Кто такие Ольховские?

— Никто. — Отец собирал со стола чашки, не глядя на меня. — Семья одна. Фельдшер наш, Лев Аркадьевич, с женой и приёмными детьми. Нормальные люди. Старик просто их не любит. Старые счёты.

— Какие счёты?

— Вер. — Он поставил чашки в раковину. — Это деревня. Тут все со всеми в каких-то счетах. Иди спать. Завтра в школу.

Школа номер один города Беломорска была трёхэтажной, кирпичной и выкрашенной в такой ядовито-зелёный цвет, что казалась единственным ярким пятном во всём городе. Возможно, так и было задумано. Возможно, кто-то в администрации тоже скучал по солнцу.

Отец привёз меня к восьми. Было абсолютно темно, как ночью. Над крыльцом горели прожекторы, и в их свете кружился мелкий колючий снег. Я была в новом пуховике — огромном, чёрном, до колен, купленном вчера вечером в единственном открытом магазине. В нём я была похожа на спальный мешок с ногами. Зато мне было тепло.

— Удачи, — сказал отец. — Если что, звони.

— Что «если что»?

— Ну. Мало ли. — Он помолчал. — Ты здесь новенькая. Тут новеньких не так часто видят.

Как выяснилось, он сильно преуменьшал.

Когда я вошла в кабинет русского языка, где сидел мой новый одиннадцатый «Б», на меня посмотрели все. Все двадцать два человека. Одновременно. Так смотрят на жирафа, который зашёл в магазин за хлебом.

— Лебедева Вера, — представила меня классная, Тамара Ивановна, полная и добрая, с очками на цепочке. — Приехала к нам из Краснодара. Прошу любить и жаловать.

— Из Краснодара? — громко переспросил кто-то с задней парты. — Сюда? Добровольно?

Класс захохотал.

— Морозов, — устало сказала Тамара Ивановна.

— Я просто уточнить!

Я села на свободное место у окна, рядом с девушкой с ярко-рыжими крашеными волосами и пирсингом в брови. Она тут же наклонилась ко мне и прошептала:

— Я Лиза. Не обращай внимания на Морозова, он дебил. Слушай, а у вас правда в ноябре можно в футболке ходить?

— Иногда.

— Офигеть. — Лиза мечтательно вздохнула. — Я бы убила, чтобы в ноябре в футболке. Зачем ты сюда приехала, а?

Я пожалала плечами. Объяснять про маму, Стаса и слёзы на кухне не хотелось.

— К папе.

— А кто у тебя папа?

— Лебедев. Участковый.

Лиза присвистнула.

— Ого. Ну всё, теперь никто при тебе не будет курить за гаражами.

За первые три урока я узнала от Лизы больше, чем за полгода от всех своих краснодарских одноклассников вместе взятых. Что Морозов в девятом классе подрался с учителем физкультуры. Что Ксюша Белова с первой парты встречается с парнем из Кеми, которому двадцать три. Что на Новый год вся школа ездит на Белое море смотреть, как рыбки выходят на лёд. Что Денис Гуров, светловолосый парень с ямочками на щеках, который на перемене уже дважды под-

ходил спросить, не нужно ли мне показать столовую, — «вообще-то нормальный, но с ним скучно».

На четвёртом уроке я перестала запоминать имена.

А в большую перемену, в столовой, я впервые увидела их.

Столовая находилась в подвале, и там пахло так же, как пахнет во всех школьных столовых страны: варёной капустой, компотом и почему-то хлоркой. Длинные столы, окошко раздачи, очередь. Шум, смех, звон ложек.

Я взяла чай и булочку с повидлом и села с Лизой, Денисом и ещё парой ребят, чьих имён я так и не запомнила. Денис рассказывал что-то про рыбалку. Я кивала и грела ладони о стакан.

А потом стало тихо.

Не совсем, конечно. Столовая не замолчала полностью. Но шум будто сдвинулся, стал ниже, глуше. Как будто все разом немного понизили голос. Я подняла глаза.

Они вошли через боковую дверь. Четверо.

Первой шла девушка, высокая и тонкая, с волосами цвета светлого пепла, которые падали ей до самой поясницы. Она была красивой той странной, пугающей красотой, какая бывает у статуй в музеях: безупречной и совершенно холодной. За ней шёл огромный парень, широкий, как шкаф, с короткой стрижкой и добродушным, почти детским лицом. Он что-то сказал вполголоса, и маленькая темноволосая девушка рядом с ним улыбнулась. У неё были короткие, как у мальчишки, волосы и огромные тёмные глаза, и двигалась

она так легко, будто совсем не касалась пола.

И последним вошёл он.

Я не могу объяснить, почему смотрела именно на него. Наверное, потому что он единственный ни на кого не смотрел. Он шёл, глядя куда-то в пол, засунув руки в карманы чёрной куртки, и его тёмные волосы падали ему на лоб. Худой. Высокий. Бледный до прозрачности, как и все они, будто никто из них ни разу в жизни не стоял под настоящим солнцем.

Они сели за самый дальний стол, у окна. На подносах у них были чай, тарелка гречки, хлеб. Никто из них ничего не ел.

— Кто это? — спросила я, и мой голос прозвучал почему-то шёпотом.

Лиза проследила за моим взглядом и закатила глаза.

— А, ну конечно. Все новенькие первым делом спрашивают про Ольховских.

Ольховские. Я вспомнила вчерашние слова деда Елисея и почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Это дети фельдшера, — продолжила Лиза, понизив голос. — Ну, не родные. Приёмные. Он и его жена их всех усыновили, когда тем было лет по пятнадцать. Приехали к нам два года назад откуда-то с Урала. Вон та блондинка — Ника. Она сука, если что. Здоровый — Савва. Он вроде ничего, но с ним никто не разговаривает, потому что он с Никой. Ну, типа, встречается. Маленькая — Марта.

— А тот? — спросила я.

Лиза хмыкнула.

— А это Глеб. Глеб Ольховский. — Она взглянула на меня с жалостью. — Даже не думай. Он тут ни с кем не встречается. Половина школы пробовала. Он даже не смотрит. Будто ему вообще никто не нужен.

— Я и не думала, — сказала я. И тут же почувствовала, что краснею.

— Ага, — сказала Лиза. — Конечно.

— Странные они, — вставил Денис. — Мой батя говорит, они зимой без шапок ходят. В минус тридцать. И не болеют вообще. Ни разу.

— Твой батя много чего говорит, — фыркнула Лиза.

Я отвела взгляд, но через минуту снова посмотрела на их стол. Не могла не смотреть. Было в них что-то неправильное. Что-то, что я никак не могла понять. Они сидели слишком неподвижно. Не ёрзали, не трогали волосы, не болтали ногами под столом, как все нормальные люди. Будто были сделаны не из плоти, а из чего-то другого.

И тут Глеб поднял голову.

Он посмотрел прямо на меня. Через всю столовую, через головы, через шум. Будто точно знал, где я сижу.

У него были странные глаза. Очень светлые, серо-голубые, такие светлые, что казались почти белыми. Как лёд на реке. Как зимнее небо в самый холодный день.

И его лицо изменилось.

Я не знаю, как описать это. Оно не исказилось и не дрогнуло. Оно просто... застыло. Стало ещё более неподвижным, чем было. Его пальцы сжали край стола так, что побелели костяшки. Марта, сидевшая рядом, резко повернулась к нему и что-то тихо сказала. Он не ответил. Он всё смотрел на меня. И в его взгляде было что-то, от чего мне захотелось встать и выбежать из столовой.

Это была не злость. И не интерес.

Это был голод.

А потом я увидела окно.

Огромное окно рядом с их столом, мутное от пара, как все окна в столовой. По его стеклу, прямо от того места, где сидел Глеб, расползлся иней. Медленно, ветка за веткой, тонкими белыми узорами, как трещины по льду. Как будто кто-то невидимый рисовал на стекле зиму.

В столовой было плюс двадцать пять. Пар от супа висел в воздухе.

А окно рядом с Глебом Ольховским замерзло у меня на глазах.

Он резко встал. Стул громко проскрежетал по полу. Глеб развернулся и пошёл к двери, ни на кого не глядя. Через секунду его уже не было.

Я медленно опустила глаза на свой стакан. Чай в нём, который я только что грела в ладонях, был совершенно холодным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.